

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: МОДЕЛИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО БЫТИЯ И СТАТУС СУБЪЕКТА БЫТИЯ

И. А. Хабаров

*Тамбовское областное государственное казенное учреждение
«Аппарат Общественной палаты Тамбовской области»*

Поступила в редакцию 28 декабря 2021 г.

Аннотация: рассматриваются практики бриколажа и инжиниринга в ходе организации политического пространства заинтересованными акторами. Автор выявляет специфические условия и особенности применения данных практик в формате реализации тактических и стратегических моделей освоения, а также характеризует носителей данных моделей – полноправных граждан, воспроизводящих символическое пространство.

Ключевые слова: пространственный бриколаж, пространственный инжиниринг, самоорганизация, освоение ресурсов, символическая власть.

Abstract: the article examines the practices of bricolage and engineering during the organization of political space by interested actors. The author identifies the specific conditions and features of the application of these practices in the format of the implementation of tactical and strategic models of development, and also characterizes the carriers of these models – full-fledged citizens reproducing symbolic space.

Key words: spatial bricolage, spatial engineering, self-organization, resource development, symbolic power.

Актуальность исследований процесса формирования политического пространства жизнедеятельности сообществ связана с необходимостью осмысления действенных в современности символических резервов власти, а также позиционирования их акторов (операторов) в векторе реализации индивидуальных и коллективных стратегий развития. На наш взгляд, данный сюжет во многом характеризует организацию отношений власти в сообществе, особенности архитектуры политических режимов, системы коммуникации «элита – элита» и «элита – массы».

В среде политических элит агенты перемен, креативный класс, девелоперы как субъекты власти имеют самое непосредственное отношение к организации и форматированию политического пространства, жизненного пространства сообщества. Их практики с поправкой на объем доступных ресурсов и интенсивность интересов стимулируют исследовательский поиск при изучении локальных политических процессов без искусственного отрыва от контекста потоков и воронок интересов политики более высокого уровня. Данный подход также представляется уместным в условиях актуальных отечественных процессов реформирования единой системы публич-

ного управления (государственного, муниципального) в ее единстве.

Целью статьи является рассмотрение актуальных практик конструирования легитимного политического пространства локации в процессе производительного бытия сообщества. В этой связи предлагается решить задачи изучения особенностей прикладных политических актов бриколажа и инжиниринга, а также особенностей статуса субъекта активного совместного бытия (политического со-бытия) – конструктора политического пространства.

Для достижения цели и решения заявленных задач полезным будет обращение к работам, посвященным различным проявлениям феномена бриколажа в различных сферах социальной жизни, неотъемлемых от политического бытия сообщества. В этой связи отметим исследования К. Леви-Стросса [1] и ряда других зарубежных ученых [2–4], а также отечественные работы К. В. Головиной, А. Н. Елсукова, Ж. Т. Тощенко [5]. Масштабной оценке отдельных практик политического со-бытия будет способствовать использование работ, посвященных специфике символического сегмента пространства, в частности, С. П. Поцелуева [6], Г. Э. Говорухина и В. П. Чернышева [7]. Вектор освоения как доминанта работы с пространством поможет выявить комплекс исследований, посвященных феномену градов в самых различных оценках и аспектах [8; 9], рент-ориентированному поведению [10; 11], экономическому

мышлению [12; 13]. При написании статьи использованы научные методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, аналогии. Результаты исследования представляют авторский вклад в развитие теории политического пространства и самоорганизации сообществ, могут иметь прикладное значение в ходе организации работы с локальными элитами (сообществами).

Практики политического конструирования: тактика и стратегия

Символическое пространство является важнейшим сегментом политического поля сообщества. Социальный бриколаж влечет рекомбинацию (коллаж, мозаика) образов, реализацию действия в пределах установленных единиц и инструментов. Обратим внимание, что, описывая бриколаж, К. Леви-Стросс изначально обращается к сущностному и наглядному противопоставлению *бриколера и инженера* (ученого): арсенал инструментов бриколера замкнут, он определяется не проектом, в отличие от инженера (бриколер решение задач не связывает с добыванием сырья или инструментов), а возможностью инструментального использования элементов, которые могут пригодиться. В то время как инженер преодолевает ограничения и оказывается за их пределами, бриколер остается связанным ограничениями. В диалоге с предметом бриколер получает сообщения, уже переданные ранее и полезные для схожих ситуаций в будущем, ученый/инженер добивается новых сообщений по новой тематике. Бриколаж являет собой постоянное реконструирование с использованием одних и тех же материалов на основе инвентаризации; цели трансформируются в средства, означаемое – в означающее [1, с. 126–128]. Вместе с тем обе модели внешне схожи в *организации активного производительного со-бытия (сопроизводства и соуправления в пространстве)*, вписываются в проект *партнерства, гражданских горизонтально-вертикальных практик, достойного человеческого существования («активность в отношении реальности» – «гражданин» – «человек»)*. Обе модели демонстрируют *диалог с предметами* (опредмеченными сущностями) и открытый характер связи с ними, позволяющий в отмеченных выше пределах перешагнуть функциональные, временные, пространственные и иные границы. Это *эффективная операция социального конструирования* (организации пространства), иницирующая различные этические оценки.

С одной стороны, именно бриколаж порой сопрягают с творческой самодеятельностью (о «вложении» в проект частички себя писал К. Леви-Стросс) и инновационностью – созданием оригинального продукта (с учетом использования заготовок, их микса из самых различных сфер, идей и жанров). Твор-

ческое переосмысление подручных предметов рождает прорывные решения с древних времен: колесо как часть ствола дерева, топор как соединение камня и палки, бетон – смешение цемента, песка и воды.

В политическом аспекте *феномен кентавра* как следствие бриколажа может иметь выражение в таких явлениях, как государственный служащий / предприниматель и служащий / работник правопорядка / взяточник. В этом смысле речь ведется о формировании специфического *бриколажного сознания*, ломающего стереотипы и соединяющего ранее несоединимое, а также его тиражирования [5, с. 441; 14]. В этой связи исследователями отмечается прогрессивное соединение различных культурных форм как знак инновации [15]. В матрице политически организованного сообщества данные практики способствуют преодолению функциональных (узких профессиональных) сфер в процессе самоорганизации и диалога интересов, равно как *расширению фронта освоения пространства – его прочтения и дизайна*. С другой стороны, именно ограниченный набор элементов (объемы культурных резервуаров), пула доступных практик и предметов исследователи отмечают в качестве наиболее характерных для бриколажа черт, в том числе в публичной сфере, в частности, в судебной системе с доминирующими механизмами свободных обменов/договоров (на материалах США) [3].

В целом, бриколаж как политический акт *стимулирует реорганизацию пространства (того или иного масштаба) путем использования доступных предметов. Условия и последствия бриколажа при организации пространства зависят, во-первых, от пула элементов конструирования, находящегося в распоряжении актора (одушевленных и неодушевленных, физических и символических, иных исходных точек / возможностей будущих инноваций) и их значимости – удельного веса в сообществе (политического веса, объема ресурсов, соотношения доступных предметов)*.

Во-вторых, с учетом приведенных обстоятельств, полагаем, следует оценивать также степень спонтанности как сущностной черты социального бриколажа – рекомбинации как тактического ответа на актуальные вызовы («фабрикация») вплоть до целенаправленного проекта конструирования политической реальности по самым высоким ставкам. К примеру, опираясь на убедительный теоретический багаж К. Леви-Стросса и В. Алтгласа, К. В. Головина указывает на опасность упрощения феномена бриколажа как акта эклектичного спонтанного творчества и необходимость учета фактора работы с ресурсами (их ограничения), равно как социокультурного контекста, вследствие чего эклектизм представляется явлением «социальным, предопределенным, оперирующим ограниченным набором ресурсов» [16]. *Политиче-*

ский транзит от «бриколера пространства» к «инженеру пространства» (субъекту, близкому ему по статусу), в том числе с учетом практик поведения мигрантов, следует через получение более полного арсенала средств и более внятные цели (осмысленность против размытости целей). Различие в статусах характеризуется *связанными между собой параметрами ресурсной зрелости и интенсивности реализации интереса*.

В контексте целенаправленной деятельности носителя потенции (возможности) и интереса, осознанных стартовых ресурсов, средств и целей полагаем, что следует рассматривать бриколажную активность как проявление предпринимательского духа в политике (в широком смысле – функциональном и многофункциональном, кроссфункциональном и надфункциональном; «градом»). Речь идет, согласно Т. Бейкеру и Р. Нельсену, о достижении успеха посредством микса доступных ресурсов перед лицом новых вызовов и перед перспективой новых возможностей [2]. Ограниченность здесь стремится к неограниченности, эклектика рациональна, деятельность реализуется в векторе преодоления через политические практики освоения и конструирования.

Управление ресурсами в условиях дефицита, в том числе мобилизация ресурсов, политично; оно предполагает творческую рекомбинацию как трамплин выхода на новые оперативные просторы – формирования коммуникативных пространств функционального, кроссфункционального, надфункционального. Исследуя результаты научных проектов, посвященных практикам бриколажа в экономической предпринимательской среде, Дж. Филимор и соавторы указывают на специфические формы параллельного и селективного, сетевого и внутрипредпринимательского бриколажа, акцентируя внимание на его значении как творческого процесса поиска недоиспользованных (скрытых) ресурсов в векторе решения конкретной задачи, комбинаторного «механизма преодоления сложностей» [4] – деятельности, весьма далекой от эклектичных, ограниченных в единицах комбинирования и не имеющей дальних горизонтов планирования кустарей, подмастерьев и активистов самодельности.

Действительно, гибкие бриколажные приемы работы с ограниченными ресурсами (политическими единицами), оперативного реагирования на вызовы представляются необходимой частью арсенала политического актора на различных функциональных полях и в их единстве. Иными словами, умение импровизации не свидетельствует об отсутствии стратегического плана (горизонта) реализации проекта, а, скорее, подтверждает его наличие.

Бриколаж как тактический прием концентрации власти (комбинации ресурсов), горизонтальной и

вертикальной самоорганизации вкладывается в стратегию развития; *бриколаж как повседневная стратегия* обеспечивает соучастие в создании пространства взаимодействий со стороны широкого круга акторов, ограниченных возможностями, горизонтами интересов и набором прикладных практик (единиц конструирования). В первом случае целесообразно вести речь о бриколажных приемах политического инженера, склонности к комбинированию как неотъемлемой черте предпринимателей, условия оперативной и заинтересованной самоорганизации сообщества.

Особое значение в процессе организации политического пространства – от личного до публичного – приобретают техники бриколажа по присвоению и использованию (формированию пула) предметов, через составление особого «символического ансамбля», обыгрывающего заново их изначальные значения не без сравнения с магическими ритуалами по установлению связей с вещами и логик «собственного» мира [17, р. 102–106], иными словами – *управления предметами/символами, пространствами (личными/публичными) и субъектами*.

Легитимные субъекты политического конструирования

С точки зрения Г. Э. Говорухина и В. П. Чернышева, освоение пространства отражает измерение его результативности и прикладной значимости для человека. Символизация здесь позволяет организовать политическое пространство по каналам коммуникации. Взаимодействия политических акторов есть ответ на вызовы окружающей среды и следствие коллективной картины мира. Символы не менее реальны, чем физические вещи, а будничный процесс разгадывания значений символов как процесс политической социализации начинается с условных «валентинок в конверте». В примере авторов хозяйственный объект «завод» фактически подменяет пространство, где расположен. *Разгадывание символов как причастность к установленной знаковой системе и интеграция в пространство фактически формируют человека как политическое существо – обитателя «города», а не «леса»* (символизация и коммуникация как «очеловечивание»); не наделенные способностью читать символы не относятся к реальности «города» [7]. *Читаются, таким образом, одушевленные и неодушевленные предметы, в ходе чего встраиваются в архитектуру реальности – не чистого листа абстракции, но композиции*.

Пространство политической коммуникации (общественных отношений) и пространство символов готовит актора к человеческой жизни среди вещей материального мира (объектов как сущностных элементов хозяйствования и атрибутов истинно освоенного пространства). При этом доступны управлению

и потенциально монетизируемы временные и пространственные характеристики бытия человека. *«Очеловечивание» предполагает норматив «охозяйствования» (политического освоения) объектов как перевода их в «режим реальности» пространства.*

Организованность города, в том числе с использованием потенциала культивируемых образов, втягивает и поглощает обитателей пространств «замка и леса», *цивилизует* и наделяет символическим статусом политического «человека» – вовлеченного субъекта и гражданина. Образ полноценного члена сообщества – *человека-гражданина* – имеет важнейшее значение для поведенческого «града» и сущностного механизма сообщества – факторов, создающих фактическое географическое, управленческое, хозяйственное, культурное пространство «города».

Эта базовая единица системы экономических и политических отношений, согласно А. де Токвиллю, – проявление духа действия, ориентированного на ресурсы и социальное взаимодействие, возвышающее человека над животным миром, утрата которых приводит к потере человечности [18, с. 401]. Рассуждая в логике протестантской системы координат, М. Вебер в этой связи пишет о пагубности стагнации такого рода деятельности и развития, приравнивая в этом случае положение субъекта к положению больного [12]. Само человеческое достоинство лучшим образом проявляет себя в естественных и «невинных» («нет занятия более невинного, чем зарабатывать деньги») желаниях достижения выгоды, когда каждый человек от рождения – торговец [9, с. 309].

По оценкам экспертов, субъекты политического сообщества, представляющие самые различные функциональные сегменты пространства города (включая профессионалов правоохранительной и судебной систем), – «обычные люди», восприимчивые к стимулам [19, р. 3–5]; иными словами, «люди – это люди», среди которых нет плохих, но есть неправильно понятые [10] в процессе жизнедеятельности сообщества и формирования городского пространства. В данной модели жизнь вне процедур со-бытия (партнерского сопроизводства пространства) отбрасывается за стены «града» – на периферию существования нечеловеческого – «беспросветного» и «звериного» [13, с. 19–34].

Альтернатива «звериному» и «негражданскому» (по сути, «бытие вне закона») – приобретение и развитие ресурсного потенциала, получение гарантий полноценного члена сообщества от физических (физическое существование, освоение – «кирка») до привилегированных гражданских (статус элиты; освоение – коммуникация) в духе голливудской саги «Гигант» (1956) и транзита статуса новоявленного девелопера-нефтяника от «теперь он слишком богат для того, чтобы его пристрелить» по мере наращива-

ния резервов до гражданского статуса «Человек», публично присвоенного в кругу региональных экономических и административных элит.

Самоорганизация акторов (граждан сообщества – горожан) в стенах «ценностей, моделей и практик» отражает перевод императива любви к ближнему в предельно инструментальное русло с учетом фактора *заинтересованной «близости»* в большой и малой группах, согласно логике Дж. Бьюкенена: кого считать близким в большой группе? [11]. Сам поворот проблемы продиктован установками градов Земного/Вавилона и Небесного/Иерусалима (граждане которых существуют параллельно, равно как сосуществуют в земной жизни сами грады) в концепции Августина Аврелия [8] относительно самой потребности «возлюбить» (ради самого человека или в интересах использования): в первом случае речь ведется о крайних формах любви к себе, жизненным благам и борьбе за них как приоритетах существования.

Как показывает обстоятельный анализ проблемы, в контексте существующих подходов в определении феномена символической политики весьма распространено (и это оправданно) использование технологий организации представлений в публичном пространстве по аналогии с театром, что важно – со сценами повседневного общения и публичных акций. Данные сцены и отражают космогоничные процессы и прикладное моделирование. Рассуждая в категориях М. Эдельмана, легитимизирующий «политический спектакль» Т. Мейера – инсценировка в контексте эстетизации, У. Сарцинелли – постановка «политического театра» осуществляется не только в интересах административной, но и политических элит, конструирует и обосновывает реальность и образ мысли, а не проект (режим) [6]. Символическое поле необходимо для оптимизации взаимодействий, самоорганизующихся процессов в элите как по коридорам функциональных полей, так и между ними.

Единые принципы организованной реальности и поведения в ней, таким образом, облегчают и переводят в пределы единого символического политического пространства «на один язык» вертикальные и горизонтальные коммуникации. Полагаем, противопоставление «спектакля» (символического) и фактических политических явлений (реального) не целесообразно; более того, данные сюжеты объединены общим символическим полем как обстоятельством формирования пространства; в этой связи следует вести речь лишь о технологиях реализации символической политики по оси «элиты – масса» (решении тактических задач) в едином символическом гражданском контексте.

Политические акторы освоения («инженеры», «конструкторы», «дизайнеры»), обладающие суще-

ственными ресурсными базами, являются носителями и субъектами воспроизводства символического пространства (доминирующего «града») – «воздуха», необходимого для существования/развития в сфере коммуникаций и физического воспламенения очагов политической полиархии. В этой связи представление / политическое действие реализуется в формате *театра «игры символов»* (политических практик элит) и *театра «игры символами»* (публичная сфера потребления в разрезе функциональных сред).

Таким образом, политическое со-бытие возникает как результат диалога разноплановых ресурсов и согласования интересов, преодолевающих функциональные (профессиональные) коридоры, влечет формирование магнитного поля политики, отражает динамику сообщества. Политическая производительность различных сегментов жизнедеятельности сообщества, предполагающих отношения власти (управления, подчинения, самоорганизации), трансформируется в производство единого политического пространства локации. При этом символическое поле представляет собой знаковую среду реализации конструкторских практик.

Носитель действий по политическому конструированию пространства – субъект, восприимчивый к потенциалам и импульсам ресурсов и интересов в равной степени, как наделенный способностью читать символический текст окружающей реальности – «горожанин», гражданин города и человек цивилизации. Его политическая субъектность характеризуется позиционированием, активностью в работе с предметами (одушевленными и неодушевленными, материальными и нематериальными), выстраивании сети отношений с реальностью и управления ею (единственной и легитимной). В сочетании с доступными резервуарами ресурсов она демонстрирует модели с различными пространственными горизонтами: «я – личное пространство» и «я – город».

Действие по политическому конструированию пространства отражает практики тактического бриколажа и инжиниринга, комбинации смыслов и их производство, в равной степени востребованные пространством «града», не ограниченного стенами (горизонтами) локации «города» с коммуникативным и физическим ландшафтом последнего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление / К. Леви-Стросс ; пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. – М. : Республика, 1994. – 384 с.
2. *Baker T.* Creating Something from Nothing : Resource Construction through Entrepreneurial Bricolage / T. Baker, R. E. Nelson // *Administrative Science Quarterly*. – 2005. – № 50 (3). – P. 329–366.
3. *Garvey G.* Constitutional Bricolage / G. Garvey. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1971. – 174 p.
4. *Phillimore J.* Bricolage : Potential as a conceptual tool for understanding access to welfare in superdiverse neighbourhoods / J. Phillimore [et al.] // *IRIS Working Paper*. – 2015. – Series 14/2016. – 21 p.
5. *Тощенко Ж. Т.* Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа) : монография / Ж. Т. Тощенко. – М. : Новый хронограф, 2011. – 531 с.
6. *Поцелуев С. П.* «Символическая политика» : к истории концепта / С. П. Поцелуев // *Символическая политика* : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки ; отв. ред. О. В. Малинова. – М., 2012. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 17–53.
7. *Говорухин Г. Э.* Символика освоенного пространства (социологическое исследование освоения Дальнего Востока) / Г. Э. Говорухин, В. П. Чернышев // *Вестник ТОГУ*. – 2008. – № 3 (10). – С. 57–74.
8. *Блаженный Августин.* О граде Божием : в 4 т. / Августин Блаженный. – М. : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – Т. 3. – 283 с.
9. *Болтански Л.* Критика и обоснование справедливости : очерки социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено ; пер. с фр. О. В. Ковенева ; науч. ред. перевода Н. Е. Колосов. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 576 с.
10. *Hillman Arye L.* Rent seeking : The idea, the reality, and the ideological resistance / Arye L. Hillman, Heinrich W. Ursprung. – 2015. – URL: <https://www.econ.pitt.edu/sites/default/files/Hillman.Rent%20seeking.2015.pdf>
11. *Бьюкенен Дж.* Этические правила, ожидаемые оценки и большие группы / Дж. Бьюкенен // *Истоки* : социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания / редкол.: Я. И. Кузьминов (гл. ред.), В. С. Автономов (зам. гл. ред.), О. И. Ананьин и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – С. 90–112.
12. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – URL: http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2013/10/Max_Veber_-_Protestantskaya_etika_i_dukh_kapital.pdf
13. *Хейне П.* Экономический образ мышления / П. Хейне ; пер. с англ. 5-го изд. – М. : Новости, 1991. – 704 с.
14. *Елсуков А. Н.* Бриколаж в структурах социального конструирования / А. Н. Елсуков // *Социология*. – 2012. – № 2. – С. 53–61.
15. *Rapport N.* Social and cultural anthropology : the key concepts / N. Rapport. – 3rd ed. – London ; New York : Routledge/Taylor & Francis, 2014. – xii, 548 p.
16. *Головина К. В.* Материальная культура и бриколаж : как русскоязычные мигранты в Японии создают и

приобретают вещи / К. В. Головина // Антропологический форум. – 2017. – № 34. – С. 179–210.

17. *Hebdige D. Subculture : The meaning of style / D. Hebdige.* – Repr. – London ; New York : Methuen, 1981. – VIII, 195 p.

Тамбовское областное государственное казенное учреждение «Аппарат Общественной палаты Тамбовской области»

Хабаров И. А., кандидат политических наук, руководитель

E-mail: hia68@mail.ru

18. *Токвиль А. де. Демократия в Америке : пер. с фр. А. де Токвиль ; предисл. Г. Дж. Ласки ; коммент. В. Т. Олейника.* – М. : Прогресс, 1992. – 559 с.

19. *The pursuit of justice : law and economics of legal institutions / ed. by J. L. Edward.* – New York : Palgrave Macmillan, 2010. – 303 p.

*Office of the Public Chamber of the Tambov Region
Khabarov I. A., Candidate of Political Sciences, Head
of the Office*

E-mail: hia68@mail.ru